

УДК 821.161.1“18/19
ББК 83.3(2=411.2)53

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-11-18

АНТИВОЕННАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО И Л. АНДРЕЕВА

А. А. Макарова

Аннотация. Сравнительный анализ произведений Л. Толстого и Л. Андреева показывает, что писатели-современники, откликаясь на запросы времени, разрабатывали в творчестве исторически значимые темы. Резкое неприятие любых форм насилия, войны в первую очередь, нашло выражение в таких произведениях, как «Севастопольские рассказы», «Война и мир» Л. Толстого, «Красный смех», «Иго войны» Л. Андреева, в публицистике писателей. Основной в произведениях обоих авторов является мысль о том, что война – это нарушение «закона жизни», согласно которому человек должен прожить столько, сколько отпущено ему Богом. Антивоенная тема особенно актуальна и в наши дни. Цель данной статьи – показать, насколько современно в произведениях Толстого и Андреева звучит протест против любых войн. Оба писателя встают на защиту «маленького человека» – жертвы «ига войны» и «красного смеха». Призыв «Одумайтесь!», прозвучавший в начале XX в., к сожалению, не был услышан, о чем свидетельствуют войны и революции XX–XXI вв.

Ключевые слова: Л. Толстой, Л. Андреев, «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Красный смех», «Иго войны», публицистика, «закон жизни», война, мир, безумие, человек, реализм, экспрессионизм.

Для цитирования: Макарова А. А. Антивоенная тема в творчестве Л. Толстого и Л. Андреева // Наука и школа. 2023. № 4. С. 11–18. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-11-18.

© Макарова А. А., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ANTI-WAR THEME IN THE WORKS
OF L. TOLSTOY AND L. ANDREEV

A. A. Makarova

Abstract. *A comparative analysis of the works by L. Tolstoy and L. Andreev shows that contemporary writers, responding to the demands of the time, developed common themes in their work, which were considered, however, in line with the tasks set by each of them. A strong rejection of any forms of violence, first of all, war, was reflected in such works as “Sevastopol Stories” and in the novel “War and Peace” by L. Tolstoy, in the story “Red Laughter” and in the novel “The Yoke of War” by L. Andreev as well as in their social and political journalism. In the works of both Tolstoy and Andreev the main idea is that war is the violation of the main law of life, according to which a person should live as long as God has given them. Anti-war agenda is especially vital today. The aim of the article is to demonstrate how modern the protest against any wars sounds in the works by Tolstoy and Andreev. Both the writers stand with ‘the little man’ the victim of “the yoke of war” and “the red laughter”. The call “Come to your senses!” that sounded at the beginning of the XX century was unfortunately not heard, which we can judge about by the wars and revolutions of the XX–XXI centuries.*

Keywords: *L. Tolstoy, L. Andreev, “Resurrection”, “Sevastopol stories”, “War and Peace”, “Darkness”, “Christians”, “Red laughter”, “Yoke of war”, criticism, court, “purity”, “dirt”, “law of life”, war, peace, crime, dissonance, personality.*

Cite as: Makarova A. A. Anti-war theme in the works of L. Tolstoy and L. Andreev. *Nauka i shkola*. 2023, No. 4, pp. 11–18. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-11-18.

Совершается что-то непонятное
и невозможное по своей жестокости,
лживости и тупости.

Л. Н. Толстой

Начала XIX и XX вв. очень похожи – это эпохи войн и революций. Девятнадцатый век начинается с войны 1805–1807 гг., основными противниками в которой были Франция – Австрия и Пруссия; Россия принимала в ней участие на стороне последних и вместе с ними потерпела поражение. Затем была война 1812 г., Отечественная война, в которой армия Наполеона была полностью разгромлена армией Кутузова. В 1825 г. произошло восстание декабристов, потерпевшее поражение, но отголоски этого восстания прозвучат почти через сто лет, сначала в 1905, а затем в 1917 гг. Первому восстанию XX в.

предшествовала русско-японская война (1904–1905), второму – Первая мировая война (1914–1918), основными противниками в которой были Германия и Россия. Это противостояние будет продолжено и в середине XX в., во Второй мировой войне (1939–1945).

Помимо социально-политической позиции, которая состояла в резком неприятии войны как способа решения каких-либо проблем, и у Толстого, и у Андреева были глубоко личные причины отрицательного отношения к любым формам насилия, военного вмешательства в первую очередь. Толстой в молодости сам был участником военных действий, и патриотические настроения не были ему чужды. Так, в декабре 1904 г. он записывает в дневнике: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и не свободен

от него так же, как не свободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма. Все эти эгоизмы живут во мне, но во мне есть сознание божественного закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я могу не служить им. И понемногу эти эгоизмы атрофируются» [1, т. 22, с. 189]. В итоге пришло понимание виновности всех участников кровавой бойни.

Резко отрицательное отношение Андреева к войне нашло выражение еще в раннем творчестве. Этой темы он касался как в художественных произведениях, так и в публиковавшихся в газете «Курьер» циклах фельетонов, судебных репортажей «Впечатления», «Мелочи жизни». Общую тональность этих циклов определил сам Андреев: «Тяжело живется в нашей серенькой жизни тому, кто хотел бы стать выше оупляющей среды, лишь о дне своем заботящейся и ввысь не взлетающей» [2, с. 63]. Об англо-бурской войне, в которой российское общество было на стороне маленького народа (военные действия велись с 1899 по 1902 г., и в этой войне погибло более 30 тысяч буров и более 22 тысяч англичан), Андреев писал: «Англичан поколотили!.. Чего же вы теперь ликуете, честные люди? Хотя добродетель и не порок, но и в ней нужно знать меру! <...> Вспомните страничку из Гаршина. Он также читал эти страшные вести с войны, но не цифры видел, а трупы. Один, другой, третий... много, тысячи целые трупов» [2, с. 73]. Писатель, да и все его современники даже представить себе не могли, какие гигантские потери понесут народы в войнах и революциях XX в.!

С течением времени отношение Толстого к войне как явлению преступному и глубоко безнравственному не меняется. В год начала русско-японской войны (1904) он пишет очерк «Одумайтесь!», в котором обращается к так называемым «просвещенным людям»: в них

писатель видит главных виновников кровопролития. В статье двенадцать глав, и одиннадцать из них начинаются с высказываний великих представителей человечества всех времен и народов, ярых противников любых войн. В союзники себе Толстой берет Вольтера, А. Франса, Канта, Дж. Свифта, Паскаля, Марка Аврелия, Альфреда де Виньи и самого себя, Л. Толстого. Очерк начинается словами: «Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей» [3]. Вину «просвещенных людей» обеих воюющих сторон он видит в том, что сами они, «не подвергаясь опасностям войны», посылают на нее «своих несчастных, обманутых братьев». Самый страшный порок войн, считает Толстой, состоит в том, что они вызывают в людях «самые низкие, животные страсти», развращают людей. Последняя, двенадцатая, глава заканчивается письмами крестьян, против их воли оторванных от семьи, от мирного труда, благодаря которому существуют «просвещенные люди», и ставших участниками массового убийства. Прошло более ста лет со дня написания этого очерка, но и в наши дни мысли Толстого звучат архисовременно.

В отношении к войне у Толстого и Андреева много общего. Для обоих всякая война – массовое безумие, ведущее к высвобождению темных сторон человеческой природы. Однако в природе их пацифизма есть отличия. Толстой выражает протест с христианской точки зрения, от лица миллионов крестьян, Андреев же в рассказе «Красный смех» пытается говорить от лица социально абстрагированного «общечеловека», хотя повествователями в рассказе становятся два брата: непосредственный участник войны и «неучастник», для которого влияние «красного смеха» оказалось не менее губительным.

В оценке войны как явления глубоко безнравственного Андреев близок

Толстому, что и отметил сам автор, посылая своему «учителю» (так он называл Толстого) рассказ «Красный смех», который, как пишет Андреев, «при всех своих многочисленных недостатках, по своей основной теме близок к тому, чему вы учили в последние годы» [4, с. 409].

Война – это крайняя степень унижения человека, когда он перестает осознавать себя мыслящим существом. Презирая себя в своем вынужденном состоянии, он должен признать, что переступил черту, отделяющую человека от зверя. Война – это бессмысленная кровавая бойня, нелепость и безумие которой ничем нельзя оправдать. Андреев, как и Толстой, утверждает мысль о равенстве в жестокости и страдании всех, кто участвует в войне, независимо от того, по какую сторону баррикад они сражаются. «Миллионы людей, собравшись в одно место и стараясь придать правильность действиям, убивают друг друга, и всем одинаково больно, и все одинаково несчастливы, – что же это такое, ведь это сумасшествие» [5, т. 2, с. 48].

В рассказе Леонида Андреева «Красный смех» тема смерти человека и человечества выходит на первый план. Исследователи видят в этом рассказе начало нового направления в литературе – экспрессионизма, основанного на всплеске эмоций, наиболее полно отражающих катастрофизм душевного состояния человека. Как пишет исследователь творчества Андреева в книге «Л. Андреев и немецкий экспрессионизм» Н. А. Бондарева, «рассказ изначально основан не на фактах, а на ощущениях. Андреев не ставит перед собой задачу воспроизвести реальные события. Ему важно передать свое, особое и нестандартное, отношение к этим событиям. С одной стороны, произведение рождено действительностью, а с другой, эта действительность является не предметом изображения, а лишь толчком для создания образов, часто не имеющих к ней прямого отношения» [6, с. 74].

Война разрушает целостное представление о жизни, поэтому рассказ о войне представлен у Андреева в «отрывках», которых девятнадцать, и они разные по объему. Например, отрывок пятый, в котором война изображена не только как массовое убийство, но и как неизбежное сумасшествие для оставшихся в живых ее участников: для самого героя-повествователя, доктора, студента, солдата, у которого все, кого он считает виновными в рождении «красного смеха» – символа войны, – «сволочи!» – составляет шесть страниц текста, а отрывок семнадцатый – всего одна строка: «...в городе какое-то побоище. Слухи темны и страшны...» [5, т. 2, с. 63].

Еще один экспрессионистский прием, отвергающий логику и последовательность в повествовании о таком событии, как война, и на передний край выдвигающий сиюминутное настроение, эмоцию, – неполные предложения в начале «отрывка». Об их неполноте свидетельствует многоточие, с которого начинается первое предложение каждого «отрывка». Разорванность жизни порождает разорванность сознания, отсутствие логики в мышлении и поступках людей, оказавшихся в мясорубке войны. «...Безумие и ужас», «...повсеместные побоища, бессмысленные и кровавые», «...уже восьмой день продолжается сражение» – подобные реплики в начале «отрывков» подготавливают читателя к выводу, к которому приходит сам автор: война убивает не только ее непосредственных участников, но всех, кто так или иначе соприкасается с ней, убивает морально, лишает возможности жить обычной жизнью.

В рассказе возникает образ «антидома» [7, с. 313], то есть когда-то близкое пространство, ассоциирующееся с близкими людьми, становится абсолютно чужим. Сходит с ума и умирает один из братьев, участник войны – и это «большое счастье» для него, считают близкие. «Я не понимаю войны и должен сойти с ума, как брат, как сотни людей, которых при-

возят оттуда» [5, т. 2, с. 48], – признается брат погибшего. Горы трупов, заполняющих улицы и дома, – тот страшный финал, к которому ведет «красный смех».

Некоторые эпизоды андреевского «Красного смеха» содержанием и общей тональностью сопоставимы с «Севастопольскими рассказами» Толстого. Вот как описывает последствия военной «энергичной жизни» Толстой: «Все было мертво, дико, ужасно – но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свежими взрывами, обсыпанной землей вездешными валевыми лафетами, придавившими человеческие русские и вражеские трупы, тяжелые, замолкнувшие навсегда чугунные пушки, страшной силой сброшенные в ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревен, блиндажей, и опять молчаливые трупы в серых и синих шинелях» [1, т. 2, с. 206].

У Андреева картина не менее апокалипсическая: «Он видел, как проволока, обрубленная с одного конца, резанула воздух и обвила трех солдат. Колючки рвали мундиры, вонзались в тело, и солдаты с криком бешено кружились, и двое волокли за собою третьего, который был уже мертв. Потом остался в живых один, и он отпихивал от себя двух мертвецов, а те волоклись, кружились, переваливались один через другого и через него – и вдруг сразу все стали неподвижны. Он говорил, что у одной этой загородки погибло не менее двух тысяч человек» [5, т. 2, с. 28].

Тему войны как преступления против человечества Толстой и Андреев продолжают развивать в крупном жанре: в романах «Война и мир» и «Иго войны».

В «Войне и мире» Толстой делает глубочайшие выводы, имеющие общечеловеческую значимость: и Бородинское сражение, и последующие события он называет «поучительными явлениями истории»: «Период кампании 1812 года от Бородинского сражения до изгнания французов доказал, что выигран-

ное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания; доказал, что сила, решающая участь народов, лежит не в завоевателях, даже не в армиях и сражениях, а в чем-то другом...

Выигранное сражение не принесло обычных результатов, потому что мужики Карп и Влас, которые после выступления французов приехали в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывали лично геройских чувств, и все бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, которые им предлагали, а жгли его» [1, т. 7, с. 129–130].

Подобные «поучительные явления истории» характерны и для других войн. Первая мировая война, охватившая Европу, Ближний Восток, Африку и отдельные районы Азии, стала причиной революций в России и Германии, а также способствовала распаду ряда империй, в первую очередь Российской империи.

Глубже понять душевное состояние героя у Толстого помогает пейзаж. Наташа в Отрадном не может скрыть восторга, любуясь теплой весенней ночью, и ее непосредственность и открытость пробуждают интерес и симпатию князя Андрея. «Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче?» – после Аустерлицкого сражения думает князь Андрей, которому ранение и вероятность смерти открыли новое понимание жизни. Картины природы помогают раскрыться внутреннему миру человека, способствуют рождению нового чувства.

Но подобное единение человека и природы возможно лишь в мирное время. В годы войны человек со своей разрушающей силой вмешивается в естественную жизнь природы. «Севастополь в декабре месяце» начинается со следующей картины: «Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горю; темно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже

сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет – все черно, но утренний резкий мороз хватается за лицо и трещит под ногами, и далекий, неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра» [1, т. 2, с. 87]. Выстрелы нарушают не только тишину, но и общий порядок жизни, установленный веками.

Война резко меняет представления о явлениях мирной жизни; то, что ранее воспринималось как естественное и неизбежное, на войне становится пугающим и неправдоподобным. Вот как воспринимают участники военных действий в «Красном смехе» Андреева обыкновенный дождь: «В это время было уже светло, и вдруг – капнул дождь. Дождь – как у нас, самые обыкновенные капельки воды. Он был так неожиданен и неуместен, и мы все так испугались промокнуть, что бросили орудия, перестали стрелять и начали прятаться куда попало. Ездовой, с которым мы только что говорили, полез под лафет и прикорнул там, хотя его могли каждую минуту задавить, толстый ефрейтор стал зачем-то раздевать убитого, а я заметался по батарее и что-то искал – плащ, не то зонтик» [5, т. 2, с. 26]. Попытка спрятаться от непогоды, хотя в любой момент тебя могут убить, испугаться капель воды, а не свинцового «дождя», – что более убедительно может представить разрушающее влияние «красного смеха» – войны на психику человека?

В начале Первой мировой войны Андреев стоял на патриотических позициях, считая, что Россия должна выступить против Германии, агрессора, подмявшего под себя такие страны, как Сербия и Бельгия. Так, в «Дневнике писателя в войну 1914 года» Андреев писал: «Эта война есть необходимость, и ее нужно довести до конца, не забывая, что война есть страшнейшее из зол». В подтверждение своих слов автор ссылается

на Библию, которую называет «книгой великой мудрости и не преходящих откровений» [8]. Теме войны он посвящает ряд статей и такие художественные произведения, как пьеса «Король, закон и свобода», роман «Иго войны». О последнем исследователь Д. С. Лукин пишет, что это «парафраз тех идей и позиций, которые были высказаны в его статьях» [9, с. 44]. Можно добавить: и в других произведениях тоже, например, в «Красном смехе».

Тот же исследователь (Д. С. Лукин) говорит об автобиографизме романа Андреева и приводит тому убедительные доказательства. Герою – Илье Дементьеву – сорок пять лет, Андрееву – чуть меньше; он, как и Дементьев, рад, что не может быть мобилизован, хотя некоторые угрызения совести в связи с тем, что он остается вне театра военных действий, свойственны и ему. У Андреева, как и у его героя, большая семья, и брат писателя, Андрей Николаевич, как и брат жены героя романа, находится в самом пекле войны. Судьба родного человека волнует домашних, как в художественном произведении, так и в жизни. Ужасы войны, о которых Дементьев узнает из газет, писем с фронта, приводят его в отчаяние, делают жизнь бессмысленной, рождают мысли о самоубийстве. Примерно те же чувства испытывает и автор «Ига войны». Как и его герой, свои мысли и переживания по поводу происходящего на фронте и в тылу, хотя и «тыл» не освобождает от пусть косвенного, но все же участия в войне, он излагает в «Дневнике»: «Идет война, переживаю я ее огромно и сильно» [10, с. 28]. Военные события вносят разлад в семейную жизнь героя, благополучием которой он так гордился.

В то же время нельзя не заметить той горестной иронии, с которой Андреев описывает своего «бессовестно счастливого» героя Дементьева [5, т. 6, с. 11]. Несмотря на все старания казаться патриотом, которого только возраст удерживает от того, чтобы пойти на войну, герой,

по сути, зациклен на собственном благополучии и отчаянном страхе, что война может это благополучие уничтожить. И тому есть основания: нежелательный для Дементьева переезд «мамаши Инны Ивановны» в их с женой Сашенькой семейное гнездышко; лазарет, который Сашенька устроила на дому. «Подвиг в лазарете» собственной жены Дементьев считает «безнравственностью, дурным и предосудительным поступком», так как «нельзя целиком отдавать себя милосердию, оставляя близких своих в пренебрежении» [5, т. 6, с. 27].

Смерть дочери Лидочки, которая окружением Дементьева на фоне бесчисленных военных смертей была встречена как заурядное, даже неприличное для особого внимания событие, еще раз заставила его убедиться в том, что до него, конкретного человека, с его горестями и заботами, никому нет дела, что он и его дети – «это клеточки какие-то, грязные и заброшенные» [5, т. 6, с. 46]. Погиб на войне Павлуша, брат Сашеньки, от горя умерла их мать Инна

Ивановна, закрыли контору, в которой трудился Дементьев... Заканчивается роман символическим жестом: протянутые в пространство руки стремятся к соединению с другими парами рук в надежде на то, что, «когда прикоснутся они друг к другу, мать Земля к Сыну своему, то наступит великое разрешение... но мне его не видать» [5, т. 6, с. 85]. На такое же «великое разрешение» всех горестей и бед надеялся и сам автор, но история не дала осуществиться этим надеждам.

Таким образом, в творчестве Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева мы видим явные «переключки», касающиеся как важнейших исторических моментов в жизни России, так и тех нравственных итогов, к которым неизбежно ведут исторические катаклизмы. И Толстой, и Андреев осуждают нарушение «закона жизни» в любом варианте, тем более если это преступления мирового масштаба, к которым относятся войны и революции («Севастопольские рассказы», «Война и мир» – «Красный смех», «Иго войны»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др.; коммент. А. В. Чичерина]. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 22: Дневники. 1895–1910. М.: Художественная литература. 1985. 557 с.
2. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / [тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.]. М.: Наука, 2007. Т. 13: Статьи, 1895–1900. 2014. 788 с.
3. Толстой Л. Н. Одумайтесь! URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/odumajtes.htm> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. / [сост., вступ. статья и примеч. С.А. Розановой], 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1978. Т. 2. 479 с.
5. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / редкол.: И. Г. Андреева [и др.]; [сост. и подгот. текста В. А. Александрова, В. Н. Чувакова; вступ. ст. А. В. Богданова, с. 5–40 коммент. В. Н. Чувакова]. М.: Художественная литература, 1990–1996.
6. Бондарева Н. А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2008. 145 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
8. Андреев Л. Н. Дневник писателя в войну 1914 года // РГАЛИ. Ф. 11 (Андреев Л.Н.). Оп. 4. Ед. хр. 31.
9. Лукин Д. С. Автобиографизм повести Леонида Андреева «Иго войны» // Орловский текст российской словесности. Вып. 10. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 145-летию со дня рождения Л.Н. Андреева. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2017. С. 43–49.

10. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса, Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. 598 с.

REFERENCES

1. Tolstoy L. N. *Collected works: in 22 vols.* Ed. by M. B. Khrapchenko. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978–1985. Vol. 22: Dnevnik. 1895–1910. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985. 557 p.
2. Andreev L. N. *Complete works and letters: in 23 vols.* Moscow: Nauka, 2007. Vol. 13: Articles, 1895–1900. 2014. 788 p.
3. Tolstoy L. N. Odumaytes! Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/odumajtes.htm> (accessed: 03.04.2023).
4. Tolstoy L. N. *Perepiska s russkimi pisatelyami: in 2 vols.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. Vol. 2. 479 p.
5. Andreev L. N. *Collected works: in 6 vols.* Ed. by I. G. Andreeva et al. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990–1996.
6. Bondareva N. A. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i nemetskiy ekspressionizm.* Orel: OOO PF “Kartush”, 2008. 145 p.
7. Lotman Yu. M. *Semiosfera.* St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2010. 704 p.
8. Andreev L. N. Dnevnik pisatelya v voynu 1914 goda. In: RGALI. F. 11 (Andreev L.N.). Op. 4. Ed. khr. 31.
9. Lukin D. S. Avtobiografizm povesti Leonida Andreeva “Igo voyny”. In: Orlovskiy tekst rossiyskoy slovesnosti. Iss. 10. *Proceedings of All-Russian scientific conference, dedicated to the 145th anniversary of the birth of L. N. Andreev.* Orel: OOO PF “Kartush”, 2017. Pp. 43–49.
10. Andreev L. N. S.O.S.: *Dnevnik (1914–1919). Pisma (1917–1919). Statyi i intervyyu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919).* Ed. by R. Davis, B. Hellman. Moscow; St. Petersburg: Atheneum – Feniks, 1994. 598 p.

Макарова Ася Александровна, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

e-mail: ms.asyamakarova@mail.ru

Makarova Asia A., PhD post-graduate student, Russian literature XX–XXI centuries and the History of Foreign Literature Department, Orel State University named after I.S. Turgenev

e-mail: ms.asyamakarova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2023
The article was received on 05.04.2023